

УДК 291.12"1928/1930"

МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ВЕРУЮЩИХ ПРОТИВ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В БССР В 1928 – 1930 гг.

*канд. ист. наук Н. В. ДОВГЯЛО
(Полоцкий государственный университет)*

Определены этапы, интенсивность и формы сопротивления верующих конфессиональной политике властей. Проанализированы проявления нелегитимных форм сопротивления, в частности открытые выступления против антирелигиозных мероприятий советской власти. Борьба верующих в основном была связана с массовой национализацией культовых зданий. Особо напряженным был период 1928–1930 гг., для которого характерны массовые выступления на религиозной почве.

Ключевые слова: *конфессиональная политика, нелегитимные формы сопротивления, национализация культовых зданий, массовые выступления.*

Введение. Существует несколько классификаций форм сопротивления верующих конфессиональной политике властей. Некоторые исследователи выделяют активные и пассивные формы сопротивления. По их мнению, к активным формам относятся выступления против закрытия храма, коллективные прошения об открытии религиозных зданий, прошения об освобождении из-под ареста священнослужителя, выполнение религиозных обрядов. К пассивным формам – призывы к бегству на территорию Польши от «власти безбожников» (в основном это касалось национальных меньшинств католического вероисповедания), коллективные невыходы на работу во время религиозных праздников, отказы от социальной помощи государства, уклонение от участия в общегосударственных мероприятиях (например, перепись населения). В рамках другой классификации выделяют легитимные (законные) и нелегитимные формы сопротивления верующих и духовенства. К легитимным историк относит всевозможные жалобы, добровольный сбор средств для поддержания храма, материальную помощь священнослужителям, строительство и ремонт молитвенных зданий, попытки выкупить религиозные святыни. К нелегитимным – утаивание доходов, антисоветскую деятельность, преподавание религии, открытые выступления против антирелигиозных мероприятий советской власти.

Интенсивность и формы сопротивления верующих в 1920 – 1930 гг. зависели от конкретных мероприятий государственной конфессиональной политики и проявлялись в рамках 5 этапов:

1) 1922 г. – сопротивление было связано с кампанией по изъятию церковных ценностей, проявлялось в массовых беспорядках, но в большинстве случаев не переросло в открытое столкновение с представителями органов государственной власти;

2) 1924 – 1928 гг. – сопротивление направлено на борьбу с экономическим давлением на церковь и защиту гражданских прав и свобод служителей культа. Преимущественно использовались правовые формы сопротивления, а именно – жалобы в вышестоящие инстанции. К нелегитимным формам сопротивления можно отнести только преподавание религии, которое было широко распространено особенно среди еврейского населения и коллективные невыходы на работу во время религиозных праздников;

3) 1928 – 1930 гг. – борьба верующих связана с массовой национализацией культовых зданий, характерно проявление нелегитимных форм сопротивления (массовых выступлений);

4) 1931 – 1935 гг. – репрессии в отношении духовенства и наиболее активных верующих привели к тому, что, основной формой борьбы вновь стали жалобы в вышестоящие инстанции, в частности, в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР;

5) 1936 – 1938 гг. – подъем религиозной активности населения вызвали принятие новой конституции и проведение переписи населения. Наибольшую активность проявляли верующие и церковнослужители в тех районах, где были закрыты все церкви или их закрытие не было оформлено в официальном порядке. Основная форма сопротивления – сбор подписей, средств, жалобы, связанные с борьбой за открытие церквей.

Основная часть. В 1928 – 1929 гг. началось существенное изменение политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию. Исходным документом становится Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Данное постановление содержало 68 статей, большая часть из которых была посвящена трем направлениям государственно-религиозных отношений в СССР: вопросам регистрации религиозных объединений, вопросам государственного контроля их деятельности, вопросам использования бывшего церковного имущества. По мнению историка Ю. А. Бирю-

ковой, постановление «О религиозных объединениях» не вносило ничего принципиально нового в сложившуюся систему взаимоотношений власти с верующими, но оно доводило до логического конца все прежние законодательные действия власти, еще более жестко очерчивало и сужало пределы существования церкви [1, с. 147].

Обозначенные тенденции повлияли на характер и формы сопротивления верующих. Для периода 1928 – 1930 гг. характерно проявление нелегитимных форм сопротивления, а именно массовые выступления верующих. Протест со стороны населения вызвала компания по закрытию храмов 1928 – 1930 гг. Информотдел ГПУ в особой записке в ЦК за январь 1929 г. отметил, что за истекший 1928 г. количество таких выступлений вместо «единичных случаев» в 1926 – 1927 гг. достигло цифры 44 (в целом по Советскому Союзу). ОГПУ признавало: «Основными причинами, непосредственно вызывавшими массовые выступления, являлись: закрытие церквей и монастырей – 17 случаев и отбор церковных зданий и домов священнослужителей для общественных нужд – 11» [2, с. 349]. В 1929 г. число массовых крестьянских выступлений против советской власти резко возросло по сравнению с 1928 г. – 1307 против 709. Среди причин первое место (50%) занимали хлебозаготовки, затем шли «перегибы» на религиозной почве [2, с. 349].

В архивных документах зафиксированы многочисленные требования верующего населения Беларуси вернуть закрытые храмы. Инициаторами этого движения в большинстве случаев являлись бывшие «церковники» (церковные старосты, сторожа, члены церковных советов и их родственники) и зажиточные крестьяне. Они, по мнению партийных работников, использовали религиозно настроенное население, в основном женщин, для своей антисоветской работы. В некоторых сельских советах проходил сбор подписей для регистрации церковно-приходских общин с целью последующего открытия церкви [3, л. 364]. Нередко сбор подписей организовывался непосредственно на базарной площади.

Удар власти по церкви и религии на фоне коллективизации и раскулачивания был прямо связан с тем, что церковь и религия составляли духовную опору ликвидируемой крестьянской прослойки, а духовные лица активно выступали в качестве защитников его интересов. Сводки информационного отдела ОГПУ за январь 1930 г. фиксировали многочисленные случаи выступлений духовенства в разных областях Союза «за веру и бога против колхозов» и т.д. Так, священнослужители в деревне Польшковичи Могилевского района во время исповеди убедили женщин, что «весной – война, и ваш скот используют на мясо». В результате женщины (около 50 человек) разобрали по домам 50 коров из колхозного хозяйства [4, л. 176].

По точному замечанию исследователя М. Ю. Крапивина «раскулачивание, сопровождавшееся уничтожением всех крепких крестьянских хозяйств, вело к фактической гибели церкви на селе, так как никто кроме зажиточных крестьян не мог материально помочь священнику, вынужденному уплачивать государственные налоги, превышающие его реальные доходы» [5, с. 191].

По данным информационных отделов ГПУ, основой массовых выступлений в 1928–1929 гг. являлось женское население. Женщины оставались членами религиозных общин, защитниками веры, оказывали влияние на детей и мужей. В 1929 г. из 1307 массовых выступлений на территории Советского Союза, в 486 случаях они были исключительно женскими по составу участников, а в 67 случаях – женщины преобладали [2, с. 418]. По БССР точные статистические данные отсутствуют, но данную тенденцию подтверждает выдержка из докладной записки об искривлениях, допущенных в церковном вопросе, от 14 мая 1930 г.: «зафиксированы неоднократные выступления с участием по 100 – 200 человек, особенно женщин, с требованием об освобождении попов» [6, л. 6].

Представители духовенства к происходящим событиям относились неоднозначно. Часть священнослужителей пыталась объединить верующих вокруг себя. Другие были заинтересованы главным образом в своей материальной обеспеченности. Действительно, средства для содержания духовенства были настолько мизерными, что обыкновенный деревенский пастух получал за лето больше, чем священнослужитель за целый год [7, л. 2].

В начале 1930 г. усилилось движение за возвращение культовых зданий. В январе – марте 1930 г. по Советскому Союзу было зафиксировано 7978 массовых выступлений, из них 776 – против закрытия церквей и снятия колоколов [2, с. 349].

В БССР наиболее массовые выступления верующих были зарегистрированы в Могилевском и Витебском округах [5, л. 7]. В Витебском округе (Льозненский район) 500 чел. требовали предать суду виновников закрытия церквей [5, л. 7]. В деревне Сухоревка Могилевского округа, все население (170 домов) участвовало в вооруженном конфликте, причиной которого было закрытие церкви. В результате окружным отделом ГПУ было арестовано 10 чел. Органы ГПУ констатировали, что «в числе причин к выступлению крестьян лежат непродуманные действия секретаря партячейки и председателя сельсовета, которые до оформления изъятия церкви начали проводить работу по подготовке ее к клубу» [4, л. 231]. В Могилевском районе в выступлениях за открытие церкви принимало участие 1,5 тыс. чел. Среди недобровольных было большое количество колхозников (колхоз «Гигант»), которые «тут же разобрали обобщественный скот. Приехавшим на место двум членам райкома КПБ толпа заявила: «до тех пор, пока не возвратите нам церковь и изъятых вещей, мы скот не отдадим и работать в колхозе не будем. На работу

не вышли» [3, л. 110; 5, л. 7]. Всего на территории Могилевского округа в 1930 г. было зафиксировано 14 случаев сопротивления антирелигиозным мероприятиям властей [8, с. 31].

Массовые выступления фиксировались и в Гомельском округе. В январе 1930 г. в деревне Дворище Хойниковского района, члены колхоза «Красный борец» по распоряжению правления, потребовали ключи от часовни. Так как церковного старосты дома не оказалось, колхозники разбили окно в часовне, все иконы порубили топором, выбросили из часовни и сожгли. Эта акция вызвала протест местного населения: возле церкви собралось около 700 человек, которые стали угрожать членам колхоза. 20 человек подали заявления о выходе из колхоза [8, л. 250]. Всего в 1930 г. по Гомельскому округу было зафиксировано 3 конфликта и одно массовое выступление на религиозной почве [9, л. 116].

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О борьбе с искривлениями в колхозном движении», осуждавшее перегибы в отношении религии: «Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьянства. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности» [10, с. 120–121].

В докладной записке об искривлениях, допущенных в церковном вопросе по Белоруссии, от 14 апреля 1930 г., также, как и в выше указанном постановлении, вся вина за перегибы в церковном вопросе была возложена на местное партийное руководство. Ошибки, допущенные местными органами власти, сводились к следующему:

– закрытие молитвенных домов проводилось без подготовительной работы и прямого согласия верующих, на основании сфабрикованных фактов и без учета национальных особенностей. Были зафиксированы фальсификации количества голосов за закрытие храмов. Сбор подписей нередко проходил не среди взрослого населения, а среди школьников, кроме того, подписи за закрытие синагог собирали среди православных белорусов, и наоборот – за закрытие православных церквей – среди евреев и католиков. Закрытие большинства церквей производилось без утверждения центральными органами. Так, в Оршанском округе из 37 православных церквей и 27 синагог 21 церковь и 13 синагог были закрыты без утверждения центром. В Минском округе были зафиксированы случаи кражи культовых предметов, имеющих ценность. Культовые предметы на глазах верующих ломали, рвали, выбрасывали. Такие действия властей приводили к массовым выступлениям верующих. Так например, в Гомельском округе массовое выступление женщин (до 200 чел.) было спровоцировано поведением партийных работников при закрытии церкви, которые ломали, били, расстреливали из охотничьих ружей иконы [9, л. 114];

– неиспользование закрытых молитвенных домов. В Витебском округе из 141 закрытой церкви не использовалось 69, в Бобруйском округе соответственно из 16 – 9, из 24 синагог – 12. Этот факт, по мнению партийных руководителей, оставлял верующим надежду на возвращение храмов;

– аресты священнослужителей, которые производились без соответствующих санкций и разрешений лицами, не обладающими соответственными полномочиями: представителями сельсоветов, бригадами, отдельными партийцами. Особенно неблагоприятное впечатление на население производили аресты за неуплату налогов священнослужителями. Зафиксированы случаи, когда верующие требовали освободить того или иного священнослужителя с обязательствами немедленной выплаты налога [5, л. 4].

Учитывая ситуацию, окружные исполнительные комитеты и другие органы власти на местах обязаны были выполнять следующие указания центра:

1) к изъятию молитвенных домов подходить крайне осторожно, с предварительным изучением той обстановки, в которой находится та или иная группа верующих. Учитывая то противодействие, которое может иметь место, заблаговременно парализовать его подготовительной работой среди рабочих, профсоюзов, бедняцко-средняцкого крестьянства;

2) вплоть до разрешения изъятия в округе и центре ничего не производить;

3) временное закрытие молитвенных домов категорически запрещается.

Не допускалось даже малейшего издеательства над верующими. Лица, нарушившие закон и партийные директивы в отношении религии, должны были быть привлечены к судебной и партийной ответственности. Кроме этого, была запрещена ликвидация молитвенных домов по причине неисполнения распоряжений о регистрации и неуплаты налогов. Все закрытые церкви и другие молитвенные здания, неиспользуемые по каким-либо причинам, должны были немедленно подвергнуться рациональному использованию [11, л. 89].

Там, где церкви были возвращены, священнослужители предъявляли иски сельсоветам за повреждение церковного имущества. Не желая обострять ситуацию, руководством БССР было дано распоряжение местным властям не препятствовать верующим пользоваться теми церквями, о закрытии которых нет постановления ЦИК.

Проводимая политика властей принесла результаты. В апреле 1930 г. общее количество выступлений по Советскому Союзу составило 1992 (для сравнения, в марте – 6528), из них по религиозным при-

чинам 391 (в марте – 514). В августе 1930 г. было зафиксировано 25 массовых выступлений по религиозным причинам из общего числа 256 [2, с. 424].

Закключение. Несмотря на то, что, на протяжении 1920 – 1930 гг. верующие использовали преимущественно правовые формы сопротивления, требуя от власти соблюдения законодательства и принципов справедливости, период 1928 – 1930 гг., является исключением для которого было характерно наличие массовых выступлений против конфессиональной политики властей. Основные требования населения – возвращение закрытых религиозных зданий и освобождение священнослужителей. В БССР массовые выступления верующих были зафиксированы в Могилевском, Витебском и Гомельском округах. Активную роль в этих выступлениях играли женщины. В результате этих акций руководством БССР было дано распоряжение местным властям не препятствовать верующим пользоваться религиозными зданиями, о закрытии которых нет постановления ЦИК БССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова, Ю. А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Характер отношений на местах / Ю. А. Бирюкова. – Ростов : Изд-во НМЦ «Логос», 2012. – 218 с.
2. Курляндский, И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства) / И. А. Курляндский. – М. : Кучково поле, 2011. – 701 с.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 747.
4. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 891.
5. Крапивин, М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (октябрь 1917–1930-х гг.) / М. Ю. Крапивин. – Волгоград : Перемена, 1997. – 366 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф.2786. Оп. 1. Д. 107.
8. Опиок, Т. В. Конфессиональная политика в БССР в 1920–1930-е годы : учеб.-метод. материалы / Т. В. Опиок. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 101 с.
9. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАОГО). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 556.
10. Шкаровский, М. В. Русская Православная церковь в XX веке / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с. : ил.
11. ГАОМО. – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 747.

Поступила 13.12.2019

MASSIONAL SPEECHES BY BELIEVERS AGAINST ANTI-RELIGIOUS POLICY OF THE STATE IN THE BSSR IN 1928–1930

N. DAUHIALA

Stages, intensity and forms of opposition of the believers against the confessional politics have been defined in the article. The manifestations of illegitimate forms of resistance, in particular, open protests against anti-religious events of the Soviet government, are analyzed. The struggle of the faithful was mainly associated with the mass nationalization of religious buildings. The period 1928–1930 was especially stressful, for which mass religious performances were characteristic

Keywords: *confessional politics, illegitimate forms of resistance, nationalization of religious buildings, mass demonstrations.*